

Кроме них, никто не знал, что произошло. Всё было так спокойно, словно ничего и не случилось.

Цзян Бин взглянул на Е Юйфана, лежащего на земле. Тот уже успокоился, но всё ещё тяжело дышал, иногда всхлипывая и бормоча:

— Мерзавец...

Цзян Бин подполз к нему и присел рядом, смотря сверху вниз, безрассудно добавив:

— Мир жесток.

— Отвали! — хрипло крикнул Е Юйфань.

Цзян Бин откинулся назад, опершись на руки, и сел на землю:

— Ха-ха, ты тоже умеешь ругаться!

Е Юйфань промолчал, у него не было сил снова его бить, он лишь тяжело фыркнул.

Цзян Бин спросил:

— Эй, что такое шизофрения? Это психическое заболевание?

Е Юйфань:

— ...

Цзян Бин:

— Это правда существует? Я не вижу ничего такого. Но даже если ты болен, не переживай, я, Цзян Бин, не тот подлец, который бросит друга из-за его болезни! ...Ой, больно, ты действительно сильно ударил!

Е Юйфань:

— Ты можешь помолчать? Надоел!

После гнева, после вспышки эмоций, после того как он выплеснул всё, что накопилось, Е Юйфань чувствовал себя совершенно обессиленным, он не мог пошевелить даже пальцем, но в душе его было невероятно легко.

Он медленно дышал, поднял ладонь и сквозь пальцы посмотрел на небо. В голове звучали слова Цзян Бина:

Неужели он боится столкнуться с самим собой? Он так хочет рисовать, но до сих пор не начал, сопротивляясь поворотам судьбы, колеблясь из-за этого беспокойства...

Действительно ли он любит рисовать? Раньше у него никогда не было таланта, почему же теперь он так увлёкся этим? Что, если у него не получится? Возможно, он боится не только причинить боль окружающим, но и того, что его попытка рисовать закончится провалом.

Но те моменты, когда он брал в руки карандаш и начинал рисовать, когда его душа трепетала от волнения, и его чуткая реакция на всё, что связано с рисованием, — всё это было реальным.

На самом деле в последнее время приступы почти прекратились: никакого лунатизма, никаких разговоров с самим собой, никаких провалов в памяти... Может, он уже выздоровел?

Пусть это был просто кошмар, а теперь, когда он проснулся, пора перестать тосковать по прошлой спокойной жизни. Ежедневная учёба действительно скучна, не так ли? Хотя и не было особых страданий, но и радости тоже не было. По сравнению с рисованием, те моменты красоты, которые трогали его, и таинственная сфера, которая притягивала, — всё это он никогда не чувствовал за свои пятнадцать лет...

Хотя, наверное, не только пятнадцать. У него было ощущение, будто он прожил уже очень долго...

Словно лягушка, выпрыгнувшая из глубокого колодца, увидевшая огромное небо, хотя и тоскующая по безопасности на дне, но больше не удовлетворённая ограниченным видом.

После возвращения из пригорода Е Юйфань сам попросил Цзян Сюэ научить его рисовать. Цзян Сюэ была в восторге, она не только одолжила ему свои учебники и принадлежности, но и пригласила его на пленэр.

Цзян Бин, однако, был в расстройстве. Несколько дней назад он радовался, что Е Юйфань не уйдёт из Братства Ледяного Дождя, а теперь его «младший брат» переметнулся к девушке. Неужели рисование действительно сильнее, чем он? Чёрт!

Сейчас Цзян Бин присел за кустами возле магазина художественных принадлежностей — узнав, что Цзян Сюэ и Е Юйфань собираются уйти вдвоём, он почувствовал себя не в своей тарелке и, подумав, тайком последовал за ними.

Теперь он, как шпион, сидел в кустах, наблюдая за красивым Е Юйфанем и влюблённой Цзян Сюэ, — какая же они пара... тьфу! Е Юйфань, если ты посмеешь заглядываться на мою сестру, я тебе покажу!

Да, он просто беспокоился за безопасность своей сестры... Цзян Бин так себя убеждал!

— Ой, тут кто-то есть! — раздался крик.

— Ой, как страшно! — Двое детей лет семи-восьми, проходя мимо кустов, увидели Цзян Бина и закричали.

Цзян Бин, смутившись, бросился бежать:

— Чёрт!

— Что там происходит? — Покупатели в магазине обернулись на шум, что привлекло внимание Е Юйфана. Он хотел посмотреть, но тут Цзян Сюэ позвала его:

— Иди сюда!

— А? — Е Юйфань засунул руки в карманы и направился к ней.

Он пришёл с Цзян Сюэ в магазин художественных принадлежностей, во-первых, чтобы узнать о различиях между инструментами, а во-вторых, потому что акварельные краски, которые купил ему отец, были явно для детей... Он не мог постоянно занимать у Цзян Сюэ, поэтому решил купить свои.

Цзян Сюэ указала на коробку с красками в стеклянной витрине:

— Посмотри на эти акварели, они просто великолепны!

Е Юйфань:

— Что это за краски?

Цзян Сюэ:

— Winsor & Newton, всего двенадцать цветов, но стоят тысячу юаней, дорого, правда? — В витрине акварельные краски аккуратно лежали в деревянной коробке, выглядели изысканно и роскошно.

— Да, — сказал Е Юйфань, — но я не возьму такие, они мне не по карману.

— ... — Сердце Цзян Сюэ слегка надломилось. — Ну, я и не думала, что ты купишь такие, они просто красиво выглядят, но по качеству почти такие же, как обычные акварели.

Е Юйфань:

— Правда? Какой обман.

Они обошли магазин, и Цзян Сюэ спросила:

— Ты уже решил, что купишь?

Е Юйфань взял скетчбук формата А5, затем подошёл к стеллажу с карандашами и спросил:

— Для набросков какой карандаш лучше взять?

Цзян Сюэ:

— Карандаши Staedtler, немецкий бренд, очень хорошие. Обычно используют 2В, 3В, 4В — чем выше цифра, тем мягче грифель.

Е Юйфань подумал и выбрал карандаш «Чжунхуа 2В»:

— Лучше поддержи отечественного производителя.

— ... — И зачем тогда спрашивал моё мнение?

Е Юйфань взял карандаш и скетчбук и направился к кассе. Цзян Сюэ спросила:

— Только это?

Е Юйфань:

— Да, а что?

Цзян Сюэ:

— Ты не купишь ластик? И карандашей лучше взять несколько видов, одного хватит?

— Пока так, — сказал Е Юйфань. Если не получится, можно перерисовать, стирать не нужно.

Главное, он потрогал карман — у него было всего десять юаней.

Цзян Сюэ:

— ...

Цзян Сюэ провела с Е Юйфанем весь день, и хотя большую часть времени он молча рисовал, она была счастлива. Просто находиться рядом с ним, что бы они ни делали, наполняло её сердце радостью.

Е Юйфань аккуратно записал дату покупки на первой странице нового скетчбука, затем нарисовал мусорный бак у дороги и показал Цзян Сюэ:

— Как тебе?

— Отлично, — ответила она. Будь то мусорный бак или что-то другое, всё, что рисовал Е Юйфань, было прекрасно в её глазах.

Е Юйфань тоже был доволен. Он потёр замёрзшие руки и сказал:

— Думаю, получилось лучше, чем раньше.

Цзян Сюэ:

— Раньше?

Е Юйфань:

— В начальной школе мои рисунки всегда критиковали за то, что они «ни на что не похожи», и я возненавидел рисование.

— Эх, а я, наоборот, в школе больше всего любила уроки рисования, потому что, кроме него, у меня ничего не получалось, — сказала Цзян Сюэ, высунув язык.

Е Юйфань, продолжая рисовать, сказал:

— На самом деле, независимо от того, насколько хорошо ученик справляется, учитель должен его поддерживать. Только когда ученик чувствует удовлетворение от того, что делает, у него появляется интерес.

— Ты прав, — полностью согласилась Цзян Сюэ. — Я полюбила рисование после того, как одна из моих работ в детском саду была выставлена на стенде! Но в профессиональной школе я выбрала художественное направление, и теперь рисование стало ежедневной обязанностью, и оно уже не кажется таким интересным. Наверное, я просто не могу довести дело до конца... — Она замолчала, заметив, что Е Юйфань её не слушает. Оглянувшись, она увидела, что он сосредоточенно рисует машину, припаркованную на улице.